

Геннадий
ПИСКАРЁВ

СИЛЬНЕЕ

РАЗУМА

Геннадий Пискарев
Сильнее разума

«Пробел-2000»

2012

УДК 821.161.1-321.2 Пискарев
ББК 84.(2Рос=Рус)6-44

Пискарев Г. А.

Сильнее разума / Г. А. Пискарев — «Пробел-2000», 2012

ISBN 978-5-98604-322-7

Эта книга – своеобразная попытка автора, поставившего своей целью на примерах собственной жизни показать неукротимое желание и сладостную мечту человека, увидеть, вопреки суровым реалиям действительности, прекрасный духовный мир, существующей как бы параллельно с материальным. У людей тонкой психической организации, натур творческих этот параллельный мир нередко проступает явственно и осязаемо даже в обыденной конкретике, заражая, заряжая брэнность существования очарованием любви и духовности. «Мечта сильнее доводов разума». Эти слова Зигмунда Фрейда могут в полной мере стать главным смыслом того, о чем хотел бы поведать Геннадий Пискарев в данном повествовании.

УДК 821.161.1-321.2 Пискарев
ББК 84.(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-98604-322-7

© Пискарев Г. А., 2012
© Пробел-2000, 2012

Содержание

Часть I	6
Витать в облаках	6
Школьное утро	11
Первый звонок	22
Единство действий	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Геннадий Пискарев

Сильнее разума. Эссе, похожее на исповедь

Книга издана под редакцией и при содействии генерал-лейтенанта Александра Васильевича Теренина

Пискарев Геннадий Александрович – писатель, поэт, публицист, редактор, член Академии российской литературы, автор многочисленных статей, сборников, книг.

Произведением «Сильнее разума» Г. Пискарев заканчивает своеобразную «Человеческую комедию», в которую вошли книги: «Я с миром общаюсь по-русски», «На острие лезвия», «Под пристальным взглядом», «Старт в пекло», «Крадущие совесть», «Алтарь без божества». В них настойчиво проводится, углубляется и укрепляется мысль о сакральности людских деяний, постоянном взаимодействии живой плоти, души и духа человека. Разрыв в этой цепочке, не без основания утверждает автор, нарушает гармонию (благодать) окружающего мира, ослабляет любовь, без чего, как известно, теряет значение и силу правда.

Часть I

Дневник прошлого, написанный ныне

Удивительно, когда ты молод, полон сил, когда жизнь играет полноцветием красок и чувств, ты меньше всего дорожишь этой жизнью и, кажется, случись смертельная беда, ты, не печалься, не скорбя, примешь ее трагический исход. Но когда перешагиваешь порог молодости, и тебя начинают донимать недуги и боли, заработанные безудержным невоздержанием юности, начинаешь, ну, просто цепляться за это оставшееся, безрадостное, унылое бытие, страшишь неумолимо надвигающейся кончины. И наступает, не могу точно определить, то ли раскаяние, то ли покаяние за былые грехи. Память уносит тебя в былое, заставляет его анализировать. Но, не знаю, кого как, а меня в этом случае вновь увлекает молодость и, перенося воспоминание о ней на бумагу, пишу о прошлом так, как будто заполняю дневник той прекрасной минувшей поры.

Геннадий Пискарев

Витать в облаках

Честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой.

Беранже

Смысл этого выражения, сводящегося к порицанию пустой несбыточной выдумки, в раннем детстве мне, конечно же, был неведом, как неведомо было и само словосочетание «витать в облаках». Но я витал в них тогда чуть ли не самым натуральным образом. Как часто после темного подвала, куда в конце цветущего мая меня запрятывала мать для переборки проросшей прошлогодней картошки, я бежал в бьющий зеленой волной о изгородь нашего сада бескрайний луг или на окаймленную длиннолиственными ивами тихую, ласковую Костромку, навзничь ложился на прогретую радужным солнцем траву или ослепительно белый песок и смотрел, смотрел на плывущие в голубых небесах ватно-мягкие, беспрестанно меняющие свои причудливые формы и очертания облака. Как во взбитую пуховую перину хотелось, неудержимо, до боли в сердце, броситься в эти обволакивающе-обворожительные творения и плыть, плыть куда-то, в далекую, неведомую даль. А однажды в лесу, взобравшись на самую верхушку высокой сосны, окинув глазами колеблющееся зеленое покрывало подлеска, я еле-еле удержался от жгуче-манящего желания броситься вниз, в эту упругую изумрудную пучину, которая, как казалось мне, что речные волны, может принять меня осторожно и нежно.

Послевоенное детство, в обыденности корявое и скупое, без материнских каких-либо нежностей (где и когда было той же матери моей, вдове-солдатке, растившей двоих сирот, с утра до ночи работавшей на колхозных полях, а после захода солнца на собственном огороде, сюсюкать умильно над своими горе-чадами? Обеспечить бы сносное существование их), оно, это детство расцветивалось, утеплялось величайшей благодатью, разлитой в окружающей нас божественной и вечной природе. И еще: босоногое, рвано-латаное детство мое выпало на великие годы истинного послепобедного ликования. Это было время встреч с настоящими героями войны, немногими вернувшимися с фронта односельчанами, – отмытыми от окопной грязи и пороховой копоти, в начищенных до блеска сапогах и ботинках, перетянутых широкими кожаными ремнями, с красивыми погонами на гимнастерках и кителях с отливающими золотом и огненным рубиновым светом медалями и орденами на них. Я млел, когда в кругу род-

ственников и друзей дядя мой по матери, дядя Костя, двадцатипятилетний капитан-пехотинец, начавший войну рядовым в Брест-Литовске и закончивший ее офицером в Берлине, поднимая бокал с шипучей пивной брагой, гордо вскинув голову, призывно-величественно и самозабвенно начинал вдруг исполнять песню-тост, отчего по спине бежали мурашки и электрический ток бил в самое сердце:

*Выпьем за тех, кто командовал ротами,
Кто замерзал на снегу,
Кто в Ленинград пробирался болотами,
В горло вгрызаясь врагу.*

И громом гремел подхваченный всеми собравшимися призыв-припев, возносящий нас будто в небесные выси, где мирское, больнососущее душу бытие как бы тонуло в чувственно-лучезарном торжестве:

*Выпьем за Родину! Выпьем за Сталина!
Выпьем и снова нальем!*

Спустя многие годы, когда мне пришлось работать спецкором газеты ЦК КПСС «Сельская жизнь», я пережил это состояние вновь, стоя около установленного в одной из сельских школ под Ельцом бюста поэту Павлу Шубину – автору слов легендарной песни, кою столь вдохновенно пели в детстве моем земляки-фронтовики. В школьном музее я осматривал личные вещи поэта, деревенского мальчика, ушедшего на войну, читал незнакомые мне до селе проникновеннейшие стихи о родном поселении Чернава, называемого стихотворцем «Родной в подробностях простых», о землячках-девушках «в цветастых полушалках, – встретишь и не вспомнишь об иных». И слушал рассказ о его кончине – «в скверике, поутру, от разрыва сердца». О боже, ведь так же скончался и поэт-фронтовик Алексей Фатьянов, да и до обмирания сердца любимый мною и матерью моею капитан, а впоследствии подполковник Советской Армии, Константин Михайлович Смирнов. Позвонил жене с работы: «Иду домой». – Поднялся из-за стола и рухнул замертво. В пятьдесят лет от роду.

Вспомнился рассказ матери, как после ранения в битве под Москвой, подлечившись в госпитале, приехал Костенька на побывку. Прилег на лавке, рукава гимнастерки закатались до локтя. Смотрит сестрица и не поймет, отчего это руки брата выше кистей как бы ошпарены, затянута красновато-дрожащей кожей. «А-а, – объяснил проснувшийся красноармеец, – это вши обглодали руки, когда мы в окопах без смены стояли. Кисти-то на морозе: насекомые их не кусали, а закрытое тело жгли не щадя».

Осознание ужаса кровавой мясорубки, через которую прошли наши люди, могло бы опрокинуть в бездну отчаяния, свести с ума кого угодно, если бы... Сейчас говоруны-демократы это называют циничной большевистской обработкой сознания, ложью, и даже величайшим преступлением перед народом, от которого, дескать, всячески скрывали горькую правду, обвивая страну кумачом, гремя победными фанфарами и славными песнями, убирая из людных мест инвалидов, увечных, калек.

Что можно сказать на это? В головах некоторых людей давно, как известно, бродят мысли о том, что природа не любит мириться с уродством. Тут, собственно ничего особенного нет, если бы не шли эти люди дальше, заявляя, как это сделал недавно один врач-психолог: «Здоровые сторонятся и не любят больных, поскольку от последних исходит гнилая разрушительная энергия». И демократы сразу же припомнили отдельные случаи содержания инвалидов войны в специальных заведениях. Нет, они не говорили о том, что там содержали тех, у кого не было родственников и близких, которые бы помогали им. И уж, конечно, умалчивали «друзья

народа» о том, что почти в каждой советской семье после войны находился то ли безрукий, то ли безногий. Их не только не сторонились – их женили, рожали им детей. А дядя Ваня

Косарев из нашей деревни, например, ходивший из-за ранений на четвереньках, простите, имел любовницу в соседней деревне, с которой прижил крепкого мальчишку.

А вот о том, что делается ныне в средствах массовой информации, без негодования и впрямь говорить невозможно. Все больше и больше утверждаешься во мнении: прикрываясь пресловутой гласностью, нас сознательно обкармливают отчаянной гадостью, пошлостью, ужа-сами и страшилками, дабы разрушить до конца сохранившуюся еще кое у кого здоровую психику. И не прав ли тогда Валентин Распутин, советуя согражданам во имя спасения души своей выключить телевизоры?

Ох, уж эти «друзья народа», поющие с чужого голоса. Понять бы им – не большевистский призыв, а библейский, божеский постулат, ориентирующий на борьбу любыми средствами со смертным грехом – отчаянием. И объясните мне умники-словоблуды, почему в ваше счастливое, справедливое время так косят от армейской службы молодые ребята, постулирующие себя при опросах вроде как бы патриотами отечества? Дрожат за шкуру свою, боясь участи 13 тысяч афганцев, погибших за десятилетие? Но мы-то, представители поколения, воочию видевшие изуродованных, искромсанных в Великой Отечественной войне солдат, прекрасно знавшие, что за четыре года погибли более 20 миллионов наших сограждан, рвались на военную службу. Поступить в офицерское училище было заветной мечтой многих из нас. От мечты стать военмором меня лично не отпугнула даже гибель линкора «Новороссийск», где в перевернутом трюме задохнулся троюродный брат мой Анатолий. Трагедия эта была скрыта от общественности, но родственники-то погибших знали об этом.

«Сукины дети» – большевики знали натуру русского народа, знали, что не было выше чести для него, чем служение Отечеству. Знали и всячески способствовали проявлению глубинных, можно сказать, сакральных благородных человеческих свойств. Не был патриотизм, как пытались преподнести его ухари-перестройщики, «убежищем для негодяев». Да что там. Стоит перед глазами такая вот сценка, разыгравшаяся в семье двоюродного брата матери моей Чистякова Ивана, принявшего первый и последний бой свой на Курской дуге. Его, семнадцатилетнего мальчишку, израненного, засыпанного землей от взрывной волны, откопали санитары, когда тело его уже ели черви. Но солдат был жив. До конца войны провалялся в госпиталях, а в сорок пятом его привезли со станции на тележке в родную деревню – умирать. Он выжил. Отпоила парным молоком от собственной коровенки тетка Матрена, солдатская мать.

Женился Иван, двоих детей родил, бригадирствовал в колхозе. Попивал. Жена скандалила в этих случаях. Так вот помню костит она в очередной раз пьяненького муженька своего, а он, насупившись, как дитя малое, сидит на крылечке, что-то обиженно лопочет. Что? С ума сойти можно: «Ладно, ладно, ругайтесь, да только начнется опять война, захватят вас немцы, – я же освобожу. Приду под красным знаменем и скажу: Здравствуйтесь, товарищи».

Жена тарасила глаза, а у меня, сопливого, воображали в голове красочные видения то ли из просмотренных фильмов (их показывали прямо на деревенской улице вечером, прикрепив полотно-экран на стену какой-либо избы) «Голубые дороги», «За тех, кто в море», то ли рисунки собственной фантазии, где я, как тот капитан в красивом с золотыми шевронами кителе, опирающийся на красивую трость, шагаю не по экранному полотну, а по родной деревне, сопровождаемый восхищенными взорами односельчан.

Но знаю я и другого Ивана Чистякова, дерзкого, злого, готового броситься в отчаянную драку, если кто-то, будь то задиристый, не выдавший истинного лиха удалец или кичливый чинуша местного разлива наступал ему, что называется, на большую мозоль. Остались в памяти, пересказываемые старшими с придыханием истории, как он в столовой райцентра один с вилкой и ложкой в руках рванулся в бой с городской шпаной, невежливо с ним обошедшейся, как гордо, гневно отказался от милостиво определенной ему зажавшимися тыловыми

крысами третьей степени инвалидности, за которую, кстати, никаких денежных выплат тогда не полагалось...

Недавно, перебирая старые школьные тетрадки, увидел я на обложке одной из них собственные каракули. То были забытые, нигде не печатавшиеся мои стихи:

*...И льется с липы желтый мед
Цветочною капелью.
– Но должен быть во всем черед.
Пора кончать веселье.*

*Известен мне иной народ:
Его невзгоды, муки.
Крестьянский пот, обильный пот,
В земле нещедрой руки.*

*На той землице мужики
Ковали свое счастье.
Да, да ковали, вопреки
Всем перегибам власти.*

*Не-напоказ, без пышных слов,
С душевной, скрытой силой
Они несли к тебе любовь,
Советская Россия.*

*Патриотизм. Он был у них.
За это их не троньте.
Скажите, сколько их таких
Погибло там, на фронте?*

*И их, погибших, сон храня,
В суровой строгой думе
Знамена вечного огня
Кольшутся бесшумно.*

О боже! Неужели это я написал? А почему бы и нет? Ведь первый неудобный вопрос, что возник в моей голове, был связан именно с положением своих земляков. В четвертом классе, мы в те годы уже изучали историю СССР, помню, когда «проходили» разделы ее, где шла речь о закрепощении крестьян, закончившееся тем, что мужики потеряли право даже на одноразовый переход от одного помещика к другому (он до того времени осуществлялся по осени, в «Юрьев день»), прогнала меня мысль, а ведь сейчас в нашей стране, «где так вольно дышит человек», как пелось в известной песне и которую так любил погибший на фронте мой отец, у крестьян тоже нет «Юрьева дня»: деревенские жители не имеют возможности свободного передвижения по стране – перебраться в город и устроиться там на работу оказывалось крайне затруднительным. Оргнабор, вызов на учебу, для девушек приглашение в няньки – вот, пожалуй, и все, что могло освободить деревенщика от деревенской зависимости.

Такие дела: горечь бытия и романтика духа – как параллельные миры. И снова блестящие памяти. Мне года три. Мать на работе. Я один. Смотрю в окно. На взгорке за вспаханным полем – голубая избушка. Там живет пасечник-сказочник. С дымарем, с укрывающей лицо железной

бородой – сеткой. Выползаю из дома, хочу добраться до голубого терема, но вспаханное поле, куда я вступаю, разбрюзгло после дождя, оно засасывает мои башмаки, я вязну, падаю в грязь, барахтаюсь и кричу. Вытаскивает меня на цветущую лужайку случайно оказавшийся тракторист – дядя Леша Виноградов.

Путь к красоте и сказке не легок.

Школьное утро

*Не властны мы в самих себе.
И в молодые наши лета
Даем поспешные обеты.
Смешные, может быть, всевидящей судьбе.*

Баратынский

«1 сентября. Начало учебного года. Веселый школьный звонок, гомон ребят и радуга осенних цветов...» Так писал я в семидесятых годах прошлого столетия, работая в газете «Сельская жизнь», в передовой статье, посвященной радостному празднику знаний – началу учебного года. Писал, основываясь, увы, не на личном опыте.

В первый класс семилетним мальчишкой я пришел случайно, что ли. Тогда в школу начинали ходить, вообще-то, в основном с восьми лет. Я просто увязался за своим троюродным братом, четвероклассником Витькой, утопал с ним «босой и нечесаный» в начальную школу, что находилась в соседней деревне Глебовское. Нас тогда со цветами в нее никто не провожал – родители, старшие работали в поле. Витька сунул меня в стайку первоклассников, и я оказался за партой.

Учительница, Серафима Алексеевна Хапова, красивая молодая девушка, уроженка Глебовского, только что закончившая учительские курсы при Галическом педагогическом училище, куда в этом году поступила, кстати, и моя сестра Валентина, по какой-то причине не обратила особого внимания на лишнюю единицу в своей группе. Наверное, сочла, что меня просто ранее не зарегистрировали по ошибке. К тому же в тот первый день зарекомендовал я себя необычным мальчиком, заявив, когда учительница спросила, кто умеет считать до десяти, что могу сосчитать и до тысячи (сестра научила, как научила она меня к тому времени писать и читать). Для деревни, послевоенной, полной безотцовщины, когда мы росли по сути дела сами по себе, мои познания были ошеломительными для окружающих.

Дальше – больше. Серафима Алексеевна попросила нас рассказать, если кто знает, стихотворение или сказку. Ребята годом старше меня, кто как, через пень-колоду начали декламировать то про дуб зеленый у Лукоморья, то про травку, что зеленеет. Я же закатил некрасовского «Генерала Топтыгина», которого знал назубок. Ну, а когда я вызвался рассказать еще и пушкинскую «Барышню-крестьянку» (ее я изучил опять же благодаря сестре), молодая учительница вдруг поднялась с места и удалилась. Через минуту, раскрасневшаяся, вошла она обратно с учительницей четвертого класса Евдокией Петровной Ларионовой, нашептывая ей, изумленной: «Нет, вы послушайте, послушайте». Послушать, вероятно, и впрямь было что. Тщедушный мальчишка, ничтоже сумняшеся, вещал о барской любви. Когда я дошел до места, где описывалась игра в «Горелки» и то, как гонялся Владимир за селянками, чтобы, догнав, расцеловать ту или иную из них, Глебовские педагоги расхохотались, а потом сконфужено попросили меня закончить повествование.

Где-то через неделю, вечером Серафима Алексеевна встретила мою мать, с неловкостью стала ей «выговаривать»: «Что же вы, Мария Михайловна, сына-то босым в школу отпускаете?». Мать только ахнула.

Учился я легко. Обладая, видимо, неплохой памятью, схватывал на уроках все довольно быстро. Первый класс закончил чудесно, чем похвастаться могли не все мои одноклассники, некоторые из них остались на второй год. Тогда в школах не знали этого злополучного понятия – «процентомания», оценивали знания учеников достоверно. Бывало и по три года «сиживали» на одной парте охламоны. Охламоны, а не дебилы. Юра Антонов, например, (он пришел

в первый класс вместе со мной), поставивший абсолютный рекорд по второгдничеству, чей пересказ некрасовской поэмы про деда Мазая и зайцах, где последние, по Юриным словам, должны были с насиженных мест по весне «эвакуироваться» (замысловатое это слово, примененное ребенком, было знакомо ему хорошо: в войну наши деревни были заполнены эвакуированными), передавали из уст в уста, как анекдот. А Юра, окончивший четыре класса (я к тому времени закончил восемь), поступил, спустя пару лет, в школу механизации, закончил ее и стал заправским трактористом, весьма и весьма уважаемым человеком в округе.

Между прочим, после окончания десятилетки, перед армией мне тоже довелось побывать в стенах нашего училища механизации, что располагалось в старинном монастыре за земляными крепостными стенами города Галича, одного из районных центров Костромской области, откуда, как говорят, вышел Гришка Отрепьев, Лжедмитрий I, самозванный царь всея Руси. Двухэтажный дом боярина Отрепьева я видел в отрочестве – он стоял на берегу живописнейшего крупнейшего в наших краях лесного озера. Там даже была рыболовецкая бригада (во время войны мои односельчане подкармливались нередко здешней рыбешкой), и плавал, бог весть как доставленный сюда, пароход.

Есть в Костромском крае еще одно озеро – Чухломское, славное своеобразным, особого вкуса карасем. Тем самым, которым угощал Уинстона Черчилля на обеде в узком кругу в суровом 41 году Иосиф Сталин. Британский премьер, прибывший в Россию со своими бутербродами (в Англии были уверены: в стране Советов голод), обомлел, отведав блюда «кавказской кухни», но особенно умилился он, попробовав запеченного «чухломского карася». Его срочным порядком ловили для званого обеда в ледяной воде чухломские бабы и детишки: мужики воевали. Выловлен был всего лишь пуд. Но, право, этот пуд карася сыграл-таки свою добрую роль, как и вид несметных золотых слитков, показанных Черчиллю в Государственных банковских хранилищах, в деле открытия «второго фронта».

Славна Чухлома и тем, что породила величайшего философа современности Александра Зиновьева, бывшего диссидента, отторгнутого современными либералами, через мучительные искания, пришедшего к твердому убеждению: у России свой и неповторимый путь, следуя которому в советский период и стало государство наше сверхобществом. Подобно Михайле Ломоносову, не уставал он повторять; что если мы не будем идти этим путем, то не только не выберемся из насмешек иностранных, но, оказавшись в тисках «западнизации», поможем бесам сотворить новую историю человечества, которая по своей трагичности, похоже, превзойдет намного все трагедии прошлого.

Однако, я отвлекся. В Галическую школу механизации, куда я пришел с целью получить до призыва в армию специальность (деревенское общество уж очень было ориентировано на это), меня не приняли. Вернее, забрать заявление уговорил меня директор школы, сказавший своим наперсникам будто бы такие слова: «Да вы гляньте на аттестат парнишки – ему в МГУ впопору учиться». Н-да...

Учился я, повторю, легко. Как и троюродный брат Витька, не посидевший ни одного раза в одном классе два года, что было чуть ли не исключением из общего правила. С ним, этим Витькой, пришел я по окончании первого класса на экзамен по русскому языку. Тогда этот экзамен сдавали в четвертом классе. Экзамен заключался в том, чтобы написать изложение, прочитанного экзаменатором текста.

Экзамены проводились по всей форме, с присутствием представителей РОНО и общественности. Евдокия Петровна, Витькина учительница, увидев меня рядом с ним за партой, вспомнив «барышню-крестьянку» для интереса, видимо, выдала и мне экзаменационный лист со школьным штампом.

Была зачитана глава из романа Василия Ажаева «Далеко от Москвы» о строительстве завода в заснеженной, продираемой жгучими морозами Сибири. Потом, спустя годы, я узнал, что Ажаев в своем романе описал труд «зэков» на этой стройке, труд за колючей проволо-

кой, но Константин Симонов, редактировавший роман, «убрал» колючую проволоку, превратив «зэков» в самоотверженных тружеников, пример героизма которых, взятый на вооружение пропагандистским аппаратом, стал предметом всеобщего поклонения и подражания.

Изложение я написал. Проверяла его представительница РОНО, лично меня не знавшая. Ее оценкой стали пять баллов – их из экзаменуемых не получил никто. Даже Витька...

А спустя три года, когда сдавал я свой «всамделешный» экзамен по русскому языку, труд мой оценен был на «тройку». Правда, писали мы не изложение, а диктант, в котором три раза встречалось слово пароход, которое я, якобы, написал неверно: соединил слова «пар» и «ход» не буквой «о», как надо, а «а». До сей поры не могу поверить, что мог я так сделать, поскольку прекрасно знал правило. Скорее всего, в букве «о» я по небрежности слишком низко опустил закорючку, соединяющую ее с другой буквой, и проверяющему показалось, что написал я букву «а».

Разбираться – что, да как – никто не стал. А я, «троечник», не был зачислен в Суворовское училище, куда хотел меня определить дорогой мой дядя Костя, к тому времени майор Советской Армии. Переживал я, по правде сказать, не очень. Но, не потому что не хотелось расставаться с гражданской вольницей, нет – в тайне, как говорилось выше, я мечтал стать моряком. Уж больно нравилась мне морская форма: тельняшка, клеши, якоря на бескозырке. Вживую такую красоту довелось мне, деревенскому оборванцу, увидеть на сестрином товарище – Саше Шабалкине, поступившем после восьмилетки в какую-то мореходную школу в Ленинграде. Из нашего лесного края «морские волки» что-то по ту пору не выходили. Говорили, был военмором мой дядя по отцу – Михаил. Погибший в первые дни войны, он не успел оставить после себя даже фотографии. На рисованном сельским художником-самоучкой портрете, что висел на янтарной сосновой переборке дедова дома, он был изображен, такая жалость, в штатском одеянии. С фронта моряком вернулся у нас в деревню один лишь человек – Шанский, но он был убит подло, ножом в спину, в один из первых деревенских праздников каким-то свихнувшимся негодяем...

Итак, несостоявшийся суворовец и тайный мариман, я перешел в пятый класс. Средняя школа располагалась у нас уже не в соседней деревне Глебовское – а в селе Контеево, что находилось от нашей деревни более, чем за пять километров. Вот туда по осенней и весенней грязи, по зимним овражным заметенным снегом дорогам и ходил я в течение шести лет, до окончания десяти классов. Ходил в старых отцовских сплавщицких сапогах – «ботфортах» Петра Великого, отцовском пальто, в дядиных подшитых офицерских брюках с выпоротым кантом и суконном военном кителе. Новую телогрейку, купленную за 80 рублей (после денежной реформы в 1961 году эти 80 рублей приравнивались к восьми) по моему плечу, примерил и одел только, учась в девятом классе, одел, как манто.

Начало учебного года, понятно совпадало всегда с уборкой урожая. Нас, школьников, гоняли на уборку картошки, растил и подъем льна, как студентов и шефов. К тому же и собственный огород надо было прибрать – одной матери это было не под силу. На подготовку к урокам времени дома не было. Меня опять спасала память: запоминал, что говорили учителя, слету. Помнится на уроке русской литературы учительница Прасковья Филипповна Флерова прочитала нам несколько рассказов из Тургеневских «Записок охотника», не вошедших в школьную хрестоматию. Великолепное, кстати, издание – тогдашняя школьная хрестоматия: в ней печатались, по сути, все произведения (некоторые, правда, в сокращении), предусмотренные для изучения учебной программой. В данном случае Прасковья Филипповна зависила планку, ознакомив нас с более широким перечнем. Видимо, это диктовалось педагогическими требованиями относительно внеклассного чтения.

Разумеется, мало кто из нас, обормотов, заглянул в библиотеку, чтобы полистать тургеневские новеллы, на кои обратила внимание наша учительница, и поэтому при проверке, как мы усвоили тему, услышала она в ответ от опрошенных невнятное бормотанье. Дошла очередь

до меня. Конечно же, я тоже не брал в руки книги, но на удивление всем, бойко отбарабанил, что надо.

– Сколько же раз ты перечитал рассказы? – взметнула брови Прасковья Филипповна. И тут я сообразил: если честно скажу, что ни разу, меня сочтут за бахвала-высочку. И потому смиренно произнес:

– Два.

– Вот, – подхватила учительница, что значит не полениться. Садись, Пискарев, отлично.

Между прочим, хрестоматийные повести-рассказы, пьесы я прочитывал еще летом – из любопытства, из неукротимого желания почитать в свободное время что-нибудь этакое. В деревне нашей библиотеки (увы) не было, кстати, и в Глебовском тоже. Школьная библиотека в каникулы не работала. И вообще, первые книжки, предназначенные не для учебы, а просто для чтения, я увидел в школе, учась в третьем классе. Тогда из райцентра под ответственность педагогов завезли нам стотомный комплект художественной литературы.

Первая книга, которую мне выдала Серафима Алексеевна Хапова, называлась «Путешествия Гулливера». Ее, если одолею, должен был вернуть я через неделю. Вернул на другой день (взахлеб читал всю ночь), в надежде получить новое произведение. Через некоторое время на меня, как на феномена, показывали пальцем даже взрослые: «Прочел всю школьную библиотеку».

В школах, ребята-одноклассники «умников», говорят, поколачивают. Странно, но на себе я этого не испытал. Напротив, чувствовал некоторое обожание. Как обожали Кольку Кузнецова, прошедшего до четвертого класса без запинки. Мой троюродный брат Витька, без второгодничества добравшийся до 10 класса, был прямо-таки в глазах односельчан героем. Споткнулся Витька на выпускном аттестатном экзамене по русскому языку и литературе, написав сочинение, в котором проверяющие выявили... 15 грамматических и синтаксических ошибок. Как умудрился их сделать Витька, знали немногие. Дело в том, что экзамен пришелся на день, когда в соседней деревне отмечали престольный праздник, а Витька, бесшабашный малый, заглянув поутру к другу своему Генке Кашину, хватанул с ним энное количество самогонки. Забродило в голове. И результат – аттестат после переэкзаменовки получил бравый школяр только осенью. Правда, ни его самого, ни его родителей сие не огорчило, не удручило. Витька преспокойненько поступил на курсы сыроваренных мастеров, что находились при специфическом НИИ в городе Угличе Ярославской области. Нас тогда не очень ориентировали на продолжение учебы – в институтах, скажем. Ребята, поступившие после школы в Буйский сельскохозяйственный техникум (учебное заведение, надо сказать, всесоюзного значения: выпускники его получали распределение не только в хозяйства нашей области, но и в совхозы, колхозы по всему Советскому Союзу.), или в железнодорожное училище, а то на курсы электриков, были желанными, почитаемыми гостями на устраиваемых в школе встречах с бывшими одноклассниками.

Глебовско-пилатовская сторона, представителями которой были и я, и Витька, и еще человек двадцать ребят, в интеллигентных кругах села Контеево, куда мы ходили с пятого по десятый класс, в среднюю школу, считалась «медвежьим углом». То, что в нашем краю, за устьем реки Тёбзы, впадающей в реку Кострому, водились медведи – это точно. Сам в детстве с противоположного берега наблюдал, как медведица купала медвежат в протоке. А бабушка моя, Варвара Ивановна, собирая в лесу малину, неожиданно столкнулась как-то с косолапым, выползшим из берлоги своей по ягоды, что называется, лицом к лицу. Кто больше перепугался от этого, сказать трудно. Только от истошного крика бабки Топтыгин рванул в кусты, оставляя своеобразные следы от внезапно случившейся с ним «медвежьей болезни». Да что там, глухой овраг с протекающим по нему ледяным ручьем за деревней, так и назывался у нас – Медведухой, а ржаные поля за околицей – «Большим лесом». Старики хорошо помнили этот лес въяве и то, как вручную корчевали сосны и ели в обхват, отвоевая у суровой природы землю под

рожь, картофель и лен (ныне, благодаря демократическим реформам, здесь снова растет лес, только не сосновый и еловый, а чертопо-лошный, сорно-ольховый и ивовый).

Водились у нас и волки. До коллективизации у моего отца на пастбище загрызли они лучшего жеребца «Карьку». В войну волки разбежались, перепугавшись взрывов и грохотов танков на полигоне, что был обустроен под нашим райцентром – городом Бум. Мелкое же зверье осталось. Бывало, идешь зимой рано утром в школу (занятия у первой смены начинались в 8 часов), смотришь, а параллельно, шагах в двадцати рыжая лиса. Нахальная, знает, что ты ей ничего не сделаешь, смотрит на тебя, хвостом метет, в снегу купается. Между прочим, Н.А. Некрасов «Деда Мазая и зайцев» написал, охотясь в знакомых нам местах. А знаменитых «Коробейников» посвятил другу-приятелю Гавриле Яковлевичу – крестьянину деревни Шоды, что располагалась в нашей стороне. То-то многие мои дремучие, полуграмотные земляки могли петь под гармошку, народную, как считалось, песню «Коробочка», не прерываясь по часу. Потому как знали наизусть не пять-шесть куплетов, которые исполнялись и исполняются повсеместно ныне, а всю многостраничную поэму Николая Алексеевича.

И все же взгляд на нашу сторону как на «медвежий угол» формировался у контеевских культурных граждан, думается, не столько по причине отдаленности ее от центра, сколько из-за кондовости быта и нравов людей, живущих здесь. Избы, крытые соломой, бородатые мужики, своеобразный акцент речи, пьяные отчаянные драки, своеобразная одежда, – как-то самодельные шубы со сборами, валяные сапоги, кепки-восьмиклинки, домотканые полотенца – все это будто бы прорвалось в середину 20 века из прошлых веков. И, право, когда я, учась в 8 классе, читал в Толстовском «Петре I» об убогости быта селян того времени, их одеянии, поведении, мне казалось: Толстой рассказывает не о ком-то и о чем-то, а о моей деревне, людях, рядом со мной проживающих. Я уж не говорю о схожести природных ландшафтов, о вечно сияющей красоте молчаливой природы. Меня с детства окружали и некрасовские «несжатые полосы», и пушкинские с солнцем морозы и никитинский белый пар от реки и прочее, прочее, что вливалось в распахнутую душу потоком, закреплялось в ней на всю жизнь, формируя истинно русский характер – восторженный и грустный, вспылчивый и раздумчивый. . .

Глебовско-пилатовская ватага (мы ходили в школу единой командой: у нас было правило – ждать друг друга и идти на занятия вместе) считалась буйной и грозной, могла постоять за себя в стычках с другой не менее удалой стороной – «корёжиной». И, понятно, отношение педагогического состава к нам было «определенное». Чего было ждать от медвежат, дерзких, хулиганистых.

Надо сказать, мое первое произведение (стихотворное) в форме книги (рукописной, иллюстрированной двоюродным братом Костей Головиным) появилось в те годы. В нем излагались в пародийной форме рассказы нашего военрука Петра Васильевича Курузова о собственной фронтовой жизни. Петр был мужем нашей дальней родственницы, в войну служил на полигоне под Бум в звании старшего лейтенанта. Это знали хорошо мои родственники, знали и мы с братом. Знали, кстати, и то, что изгнан он был из армии за нечестивое поведение (между прочим, бросил Петр Васильевич подло в свое время первую довоенную жену). И потому мое резюме под карикатурами бравого вояки в самодельной из порезанной на равные части школьной тетради книге, разошедшееся не только по школе, но и по селу, взывало к читателям соответственно:

*Вы ему не верьте:
Нигде он не бывал.
И, думаю, по блату
В учителя попал.*

Язык мой проклятый. Даже с моей матерью теперь разговаривали родственники Курузовы, глядя в сторону и сквозь зубы.

Бедная мать моя. Сколько же ей пришлось перетерпеть всего из-за сына своего. И в те времена, когда я был маленьким и когда, что называется, вымахал с «коломенскую версту» и работал в газете. Прототипы многих моих «героев», людей с вывихнутой совестью, о которых я рассказывал в печати, были хорошо узнаваемы моими земляками и самими фигурантами. И их реакция была «адекватная». У матери травили кур, вытаптывали огород, отказывали в лошаденке для поездки за дровами.

А тогда... Ходил со швейной Зингеревской машинкой по нашей округе некий портной «Коля Хромой», перешивал старую одежду нуждающимся. Сытый, самодовольный. Рассказывал, что он герой гражданской войны, ранен был в ногу, оттого, дескать, и хромота и приставшая кличка. Жил «Хромой» в райцентре, имел в собственности половинку дома рядом с рынком. Моя мать нередко, пользуясь знакомством с Колей – он у нас останавливался довольно часто – иногда оставляла у него нераспроданные лук или картошку до следующего базарного дня. Чувствовалось, Коля был равнодушен к солдатке-вдове. Однажды накануне Первомайского праздника, который отмечался в городе, по моему детскому восприятию, как престольный, даже забрал меня к себе. Тут-то от соседей я узнал, что удалой портняжка никакой не герой гражданской, а обычный калека, получивший травму в детстве – катаясь с горки на коньках. Узнал я, вернее испытал на собственной шкуре, что «герой с дырой» невероятный жмот. Чаем не напоил по приезду, утром оставил без завтрака. После чего я просто-напросто сбежал к своей тетке по отцу, жившей на окраине города. Куда, между прочим, к праздничному столу, приперся и Коля Хромой, выставляя себя, как благодетеля моего. А я, «благодарный», в присутствии всей родни, и матери моей в том числе, коварно-наивно спрашиваю:

– Дядя Коля! А на каких коньках ты катался, когда колено расшиб?

Пассаж... «Хромой» после этого у нас не останавливался, А мать лишилась близкого от базарной площади складского помещения.

После войны пришлые люди: попрошайки, мастеровые, печники, плотники, в деревнях наших были не редкость. Запомнился «бродячий сапожник «Пантелешка» – по документам Александр Пантелеев, демобилизованный фронтовик. Был он, по всей вероятности, человеком контуженным, с ним случались истерики, а горькую пил он уж точно как представитель профессии, которую представлял. Порою он с выпивкой «завязывал» – копил деньги, чтобы, как говорил, вернуться в Мурманск, где у него якобы остались родные. Однажды, уж совсем было собрался: купил сапоги яловые, телогрейку новую, да решил «обмыть» отъезд и сорвался. Пошло-поехало все сначала.

Говорят, он тоже поглядывал на мать мою, но сомневаюсь, чтобы у матери были какие-то намерения относительно его. Кончил же он очень плохо, заснул несчастный солдат мертвецки пьяный в овиной печи, наутро, придя сушить зерно, мужики развели огонь и уморили бедолагу.

А жених «Коля Хромой», спустя годы (я тогда жил и работал уже в Москве, готовился к переезду в столицу матери), дал о себе знать: написал в деревню письмо, в котором просил мою мать оформить с ним отношения, обещал подписать на имя ее и недвижимую собственность (половинку дома) и денежные сбережения. Мать ответила (быть может и жестоко): «Как нянька, я нужней буду внучкам».

Я привожу здесь все эти многочисленные житейские истории вовсе не по причине недержания мысли, слова. Нет, я хочу показать, как накладывало все происходящее специфический отпечаток на формирование характера молодого парня. Не видевший «грязи» в доме, обожающий гордую мать свою, я рос целомудренным чистым открытым мальчишкой. И бурые пятна действительности, падающие на неиспорченную душу мою нередко, как брызги холодной воды,

соприкоснувшиеся с раскаленной сковородкой, резко взлетали вверх, обжигая, шпаря окружающих...

С другой стороны, встречая противодействие этому, живя в окружении людей, поглощенных земными тяжелыми, повседневными заботами, мне приходилось сдерживать норы, не очень «выпячиваться», что рождало в душе особого рода скрытность, внешне похожую чуть ли не на застенчивость. А это, к великому сожалению, понукало к действиям, характерным для всех. Я писал, к примеру, стихи, но в том, что хотел стать литератором, не признавался и самому себе. Не верил, что такое возможно. Трактористом, шофером, моряком даже, – да! Но кем-то другим? Не было среди моего ближнего и дальнего окружения, кто мог бы меня сориентировать на это. Педагоги? Увы! Они часто менялись в нашей школе. Не все распределенные учителя и учительницы после вузов и техникумов приживались в нашем захолустном краю. Да и ученики-то с той же глебовско-пилатовской стороны вели себя, повторю, как отпетые, «атландеры».

Дрались, частушки горланили. Были среди них и такие:

*Дорогой товарищ Сталин
Без коровушки оставил.
Ворошилов говорит:
«Коза-то больше надоит».*

На уроках преподавателей с нестойким характером наша братия превращалась в бурсаков из известных очерков Помяловского.

Был у нас учитель географии и немецкого языка Илья Михайлович Маклаков, подверженный известной слабости. Случалось и в класс приходил педагог «веселенький», чем естественно возбуждал у деспотов-школьников веселье особое. Володя Дубов, наш товарищ, заходил в таких случаях на занятия после Ильи Михайловича, заходил, не спрашивая разрешения у учителя и не снимая с головы блатной кепки, повернутой козырьком назад. Поравнявшись с учительским столом, бросал Маклакову небрежно: «Привет» и вразвалочку удалялся на заднюю парту спать.

– Дубов, Дубов, – урезонивал Илья Михайлович вальяжного ученика, – что это за панибратство.

В ответ ноль внимания. Илья Михайлович поднимался из-за стола и сопровождаемый развеселым хором голосов, исполняющих тут же сочиненную песенку:

*«Илья Михальч входит в класс,
Глазки, как у зайчика,
Потому что перед этим
Принял полстаканчика»,*

– посрамлено удалялся.

Но этот же Илья Михайлович в войну бывший переводчиком в разведотряде, первым среди школьных педагогов наиболее внимательно присмотрелся к хулиганствующим элементам, он даже нашел в лесочке вырытую нами землянку, где иногда прогуливали мы уроки, читая понравившуюся ту или иную книгу. Однажды застал он нас, когда Вовка Ремов, склонившись над керосиновой лампой сладострастно зачитывал вслух из гётовского «Фауста» – сцену соблазнения Мефистофелем Маргариты.

*«Пускай старушки говорят
Любовь мужчины это яд».*

Можно представить себе удивление учителя, заставшего учеников своих за чтением произведения, изучение которого не предусматривалась тогда в школьной программе, и которого в школьной библиотеке не имелось. Кстати, я тоже не знаю, откуда взялся у Вовки Ремова «Фауст», тем более с пикантной сценой соблазнения молоденькой девушки.

Спустя многие годы, учась в Московском университете, я пытался найти ее в пастернаковских переводах Гете – не нашел. А в детстве вот познакомился, как познакомился, кстати, и с Фейхтвангеровским проходимцем Крулем. В деревне, где все называлось своими именами, поэтизация великими мировыми художниками той же плотской любви, казалась невероятной. Но дело свое очистительное делала. И Маклаков после долгого душевно-проникновенного разговора с нами, пообещав, что никому не расскажет о нашей землянке, уходя, хлопнув Володьку по плечу, сказал:

– Преступлением будет, если ты не окончишь школу с медалью.

Но вернусь все же к «Фаусту». Его, вероятно, привез кто-нибудь из служивших в Германии солдат. У нас в Пилатово, помню, зимними вечерами, собиралось полдеревни у дяди Саша Бороздкина, послушать читаемого по очереди «Кобзаря» – его дяде Саше, бывшему военнопленному, кстати, нисколько не преследуемого властями, подарил какой-то хохол. Врезалась в память националистического звучания поэма Тараса Шевченко «Катерина», начинающаяся словами:

*Чернобровые влюбляйтесь,
Но не с москалями.
Москали – чужие люди,
Глумятся над вами.*

В «избе-читальне» Бороздкина знакомились наши малограмотные мужики и бабы даже с творчеством Льва Толстого. Его дореволюционное издание некоторых книг приносил я из своего дома, найдя их в старом ларе из-под муки. У нас они оказались потому, что первый председатель пилатовского колхоза – Круговеня, друг моего деда, был приверженцем толстовского учения – «непротivления злу насилieм». Когда началась война, он передал моему деду книжки Толстого плюс избранное собрание сочинений Пушкина в кожаном переплете на хранение и ушел на призывной пункт, где заявил, что по определенному убеждению, он не может брать в руки оружия. Круговеня умер в областной тюрьме, объявив голодовку. И такое бывало.

А вдохнувший в нас веру, Илья Михайлович проработал в Контеево только год – его перевели куда-то. Не закончил с медалью школу и Вовка Ремов: его зарезал на вечеринке одноклассник и односельчанин Сашка Абакумов. Зарезал просто так, в кураже, ткнул ножом и попал прямо в сердце.

Сашку судили. Получил «вышку». В областной газете «Северная правда» напечатали соответствующее решение суда и сообщение о приведенном в исполнение приговоре.

Однажды летом, когда я учился в МГУ им. Ломоносова, после очередной сессии приехал я к матери и услышал потрясающую новость, что Сашка Абакумов жив, сидит в каких-то особых лагерях в Ворошиловградской области. Потом спустя годы, работая спецкором газеты ЦК КПСС «Сельская жизнь», я побывал в тех местах, и даже в районе – Знаменском, где располагались эти лагеря. Подарок от начальника лагеря получил – наборный с выскакивающим лезвием изогнутый нож, сделанный каким-то умельцем-уголовником. А лагеря и впрямь тут были особые: здесь на урановых рудниках (есть, есть такие в Ворошиловградской Знаменке) работали в основном заключенные-смертники, как правило, получившие «вышку» не за рецидивно-бандитские действия, а за поступок, хотя и страшный, но совершенный по дурости. Так зачем же расстреливать не буяна, не отморозка, решили тогдашние власти, если его можно

использовать бесплатно на такой работе, где обычный человек не выдержит. Кстати, после кончины «отца народов» Иосифа Сталина не сразу, но Сашку Абакумова выпустили на волю – умирающего от лучевой болезни. Мне, однако, удалось с ним встретиться. Поведал он: содержали их в лагере отлично, кормили на убой, постоянно обследовали в медицинском плане. Не то, что других наших ребят, попавших большей частью, так же по глупости, в «тюрьму» – то за обычную драку, то за хищение с колхозного поля картошки или зерна.

А за хищение соцсобственности, надо сказать, карали тогда, ой, как строго. Помните момент из кинофильма «Место встречи изменить нельзя», реплику Ручечника, брошенную капитану милиции Жеглову: – «Указ «семь-восемь» шьешь, начальник». Так вот, принятый сразу же после Великой отечественной войны указ от седьмого августа, предусматривающий усиление уголовной ответственности за хищение социалистической собственности, ударил со всей силой по мужикам моей деревни через четыре дня после его публикации. Подгулявшие накануне – 10 августа – (в этот день у нас отмечается престольный праздник «Смоленская») везли они с «тяжелыми» головами на приемный пункт колхозное зерно. Хотелось опохмелиться. Как? Кому-то пришла в голову мысль продать ведро «ржи-казанки» за поллитровку (кто определит столь ничтожный недoves?) в какой-либо деревне по пути. Так и сделали, не подозревая, что нашелся стукач, сообщивший об этом куда следует.

Вернулись мужички с задания, расселись на лужаечке у Яблоковой горы в ожидании, когда жены закуски приготовят. А тут – глядь – идет Федя Суслов, старший лейтенант милиции, участковый (а «участок» его охватывал деревень 15) – и к отдыхающим.

– Садись, садись, Федя с нами – выпьем, закусим, – загалдели мужики. Федя был свой человек. Ему простодушно тут же и поведали о проданном за бутылку ведра ржи.

– Так выходит, точно, что вы это сделали, – изумился участковый, – ну, коль сами подтверждаете, пойдете.

Помню эту картинку, гуськом, вслед за Сусловым шагают наши старшие братья и чьи-то отцы, среди коих только что вернувшиеся с фронта бойцы – вон Гена Кокошников, прихрамывающий, идет в сторону разъезда «Бродни», где Федя остановит проходящий товарный поезд и увезет кормильцев на тормозном тамбуре в милицейский райотдел. Помню растерянных баб, кричащих вдогонку: «Куда вы, куда?!»

А дальше был суд. Наверное, показательный. Как для селян, так и для правоохранительных, судебных органов – оперативно работавших.

Меньше всех, почему-то получил по приговору инвалид войны Кокошников – 10 лет, остальные по 12. Из-под стражи освободили одного дядю Васю Квасникова – хватило ума у того все отрицать: «Самогон не пил, как меняли зерно, не видел». Вернувшись в деревню, окруженный рыдающими и клянущими за чистосердечное признание своих близких бабами, дядя Вася сказал тогда отпечатавшиеся в моем сознании навсегда слова:

– На дороге будет валяться колхозный сноп, пропадать, гнить будет – не подыму.

История с «пилатовскими ворами», потрясшая округу, вероятно, была по стране не единична. У людей высокого ума события такого порядка вызвали глубокие мысли. В главной газете коммунистов, правда, уже в хрущевские времена печатался, помню, уцелевший отрывок из заключительной части (сожженной автором) романа М.А.Шолохова «Они сражались за Родину». Там описывался эпизод встречи после реабилитации, отбывавшего в лагерях 10 лет политического заключенного с отсидевшим 15 лет колхозником-расхитителем. Сравнивая сроки отсидки, бедолага-крестьянин спрашивает политического:

– Выходит моя вина больше чем твоя?

Тот долго думает и отвечает:

– А скажи, не поступи с тобой столь сурово власть, не растащили бы вы тогда колхозы-совхозы?

Ответ потрясающий:

– Да, пожалуй.

Есть над чем призадуматься, не правда ли? Кстати, мужики наши вкалывали, находясь в заключении, на лесоповале в соседнем районе -

Антроповском, куда гоняли на обязательные лесозаготовки и свободных колхозников. Разница в содержании заключалась, похоже, лишь в том, что колхозники жили в бараках «без колючки» и работали совершенно бесплатно, даже еду везли собственную из деревни. «Зэкам же», оказывается, шли какие-то денежные отчисления – за вычетом на содержание и охрану. Запомнилось, отсидевшие за хулиганку, например, не очень большие сроки, наши ребята возвращались домой «приодетыми». Мы с двоюродным братом Костей даже завидовали соседу Борьке Аленину, справившему на тюремные заработки черный шевиотовый костюм – селяне такой роскоши позволить себе не могли.

Беда крылась в ином: попавшие в тюрьму, отсидевшие, особенно молодые парни домой, как правило, не возвращались – оставались то ли наемными рабочими в тамошних леспромохозах, то ли уезжали на «севера»: в Мурманск к рыбакам, в Воркуту на шахты. А еще хуже – некоторых парней «колония» ломала, подталкивала к новым преступлениям, вовлекая в криминальные сообщества. Было, было. Мой школьный товарищ (мы сидели в начальных классах с ним за одной партией), веселый, остроумный Васька Кашин, начавший свою преступную воровскую деятельность, так сказать, с «пяточка» – украл корзину яиц у соседки, закончил «вором в законе».

Я работал в центральной газете в Москве. Приехал в родные места в командировку. У поезда, на перроне железнодорожной станции Буй, меня поджидал первый секретарь РК КПСС Геннадий Петрович Горячев. Выхожу из вагона – глядь – Васька Кашин, в красной рубашке, полон рот железных зубов, вышел к поезду, знать, чтоб купить в вагоне-ресторане пива спозаранку. Увидел меня, бросился обнимать. Партийный секретарь, что топтался позади, остолбенел. Журналист газеты ЦК – в обнимку с известным всей округе, объявившимся после очередной отсидки рецидивистом.

Видит Бог, я любил и люблю свою малую родину, людей ее страстно и беззаветно. Все отпуска до женитьбы проводил я только там. Любой случай, способствующий побывать в родном краю лишний раз, использовал я, не раздумывая. Я общался со всеми знакомыми мне людьми, людьми разных судеб и нравов, пристрастий и пороков. Но благодаря этому я мог понимать многое в жизни сельских людей, понимать то, что мои городские коллеги-журналисты, работающие, скажем, в «Крестьянке», «Сельском механизаторе» или «Сельской нови» уразуметь, взять в толк не могли никак. Отчего материалы их красивые, грамотно изложенные, выглядели нередко просто-напросто мыльными пузырями. «Я знаю Русь, и Русь меня знает» – эти слова, как известно, сказаны великим персонажем из романа Ф.М.Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» – Фомой Опискиным. Человек-ханжа, наглый, самоуверенный, пародийный – но вот тронул он меня своим заявлением.

Без фарисейства опискинского могу сказать о себе: «Я хорошо знал и знаю родную деревню». Но ведь и она хорошо знала меня. И потому никто из корреспондентов «Сельской жизни» не получал на свои выступления такого количества критических, а порой просто злых откликов, как я. Малейшая фальшь подмечалась, и мои земляки простодушно по-свойски реагировали на нее: писали жалобы на Г.Пискарева прямо члену ЦК КПСС главному редактору «Сельской жизни». А уж если в том или ином очерке я каким-либо образом покушался на достоинство знакомого мне человека (обозначенного хотя бы и псевдонимом), мне припомнили все: и выпивки с мужиками на рыбалке, и объятия с Васькой Кашиным, и долгие мои беседы с другим известным рецидивистом – Колей Скобелевым и даже то, что я, рассказывая о подвиге земляков во время войны, своих погибших родственников назвал поименно, в то время, как некоторых других не назвал вовсе. Доходило дело и до того, что я, единствен-

ный человек из нашей округи, поступивший в самый престижный ВУЗ страны – МГУ имени М.В.Ломоносова, ни разу не был приглашен в родную школу на встречу с одноклассниками.

Я не в обиде. Хотя и вертятся в памяти слова из письма Александра Пушкина князю Вяземскому о том, как любострастно смакует толпа любое неосторожное, а уж тем более малодостойное заявление или поведение благородного человека. Радуюсь случайной слабости его, она как бы хочет сказать: смотрите – он нисколько не лучше нас. «Врете, подлецы!» – негодует по этому поводу Александр Сергеевич: великий человек бывает и низок и слаб, но не так как завистливый, подленький обыватель.

Но народ не толпа. И если ты хочешь быть совестью его, это уже мое убеждение, будь честен и аккуратен в поступках своих предельно, чего по наивности своей в молодости я не очень-то придерживался, глупо полагая, что, ведя себя свободно и безоглядно в родной деревне, сближаюсь с людьми. Этак сближаются с людьми и нынешние демократы, правозащитники, подстраиваясь под низменные настроения масс, но держа в кармане запасной зарубежный паспорт и бегая за инструкциями в американское посольство.

А школьные учителя мои – они ведь тоже жители деревни и, значит, пропитаны ее соками – как здоровыми, так и ядовитыми. Однако...

Однако сохранил же я аттестацию, что дала мне по окончании десятилетки классная руководительница Римма Алексеевна Смирнова, до седых волос перечитываю ее и осознаю: те качества, что подметила она, преследуют, не покидают меня всю жизнь. В семьдесят с лишним лет я такой же, каким охарактеризовала меня Р.А.Смирнова. Вот она дословная учительская печать.

Характеристика на ученика 10 класса Пискарева Геннадия.

За время учебы в Контеевской школе обнаружены хорошие способности и замечательная память, но недостаточное умение владеть речью. В 10 классе учился ниже своих способностей. На уроках внимателен, активен, все для него интересно, очень любознательный мальчик, ничего не оставляет непонятым, всегда может ответить на любой вопрос только что объясненного материала. Проявляет большой интерес к художественной литературе. Сам может писать стихи. С учителями и со старшими вежлив, несколько застенчив. Не всегда бывает серьезным. Был членом редколлегии, в первом полугодии принимал активное участие в выпуске газеты, а во втором полугодии не стал выполнять это поручение.

Ныне, обращаясь памятью к временам, когда был я редактором «Сельской жизни» по отделу культуры и сельских школ, сожалею лишь об одном: писал установочные статьи о школьном воспитании и образовании на селе, весьма сдержанно, приглушая застенчиво порывы вскрыть гнойники застоя в этом деле до конца. Правда, сказать удалось все же немало. И хорошего, и не очень.

В качестве приложения к данной главе, названной, как вы помните, «Школьное утро», даю без изменений несколько статей и интервью о положении школы и системы профтехобразования той поры, возможностей их реформирования. Знакомство с ними не повредит, думается, тем, кто волей-неволей, если захочет жить в родном отечестве, займется, так или иначе, возрождением, восстановлением уничтоженных культурных, духовных, трудовых, воспитательных традиций близкого им хотя бы частично по крови и языку русского народа. Иначе... Иначе немного останется ждать, когда сбудутся пророчества Ключевского: «Конец Русскому государству будет тогда, когда нарушатся наши нравственные основы».

Первый звонок

Вот и пришел он снова – учебный год. Миллионы школьников, учащиеся профтехучилищ, студенты институтов и техникумов приступают к занятиям, занимая свои места в классах, кабинетах, аудиториях. Советское народное образование рождено социалистическим общественным строем. В основе его – ленинские указания о единой трудовой, политической школе; его цель – воспитание юношества в беззаветной преданности родине Великого Октября, партии, народу, а в конечном итоге – гармонично развитый человек, устремленный к высоким общественным идеалам и идейно убежденный, готовый активно участвовать в созидательном труде.

В нашей стране, где учится каждый третий человек начало учебного года отмечается как большой и радостный праздник – Праздник знаний. По добромому обычаю его встречают подарками. Более чем для 1.200 юных жителей села Жердевки, что в Тамбовской области первый звонок прозвенел нынче в новой школе. Введена в строй силами колхоза имени Шевченко, что в Черновицкой области, школа в селе Испас. Перевыполнен план ввода новых учебно-воспитательных учреждений в дальних селениях Узбекистана и Азербайджана. Добрые вести поступили из Российского Нечерноземья, Прибалтики, других мест. Новые школы рассчитаны на кабинетную систему обучения, оснащены наглядными пособиями, приборами, техническими средствами. Построены интернаты, столовые, дома для учителей. Все ученики своевременно получили учебники.

Коммунистическая партия и Советское правительство уделяют постоянное внимание образованию и воспитанию подрастающего поколения. Решения XXV и XXVI съездов партии, последующие постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о школе – это развернутая научно обоснованная программа совершенствования работы всех учреждений просвещения. Майский (1982 г.) Пленум ЦК КПСС наметил ряд новых мер по дальнейшему укреплению учебно-материальной базы сельской школы, улучшению подготовки и закреплению учительских кадров, предоставлению дополнительных льгот педагогам-воспитателям дошкольных учреждений.

Выполняя решения партии и правительства, учительство страны, органы народного образования, педагогическая наука проделали значительную работу по улучшению содержания образования, повышению его воспитательной, политической и трудовой направленности. В целях улучшения трудового обучения в профессиональной ориентации учащихся в два раза увеличено учебное время на трудовую подготовку в старших классах, функционирует около двух с половиной тысяч межшкольных учебно-производственных комбинатов. В 38 тысячах средних школ введено обучение учащихся тракторному делу. Для организации производительного труда старших школьников в летние каникулы открыто около 30 тысяч лагерей труда и отдыха. Большая часть школ имеет учебно-опытные участки. В течение предстоящего учебного года в практику школы почти полностью войдут модернизированные программы. Подготовлен и издан ряд новых учебных и методических пособий.

Радующей приметой времени стал рост авторитета средних профтехучилищ, бурное развитие их сети. Закрепляя достигнутое, профтехшколе предстоит сделать массовым достоянием образцы педагогической культуры, которыми славятся лучшие средние СПТУ, добиться повсюду резкого подъема качества обучения и воспитания юной смены. Для этого создаются сейчас благоприятные условия: крепнет учебно-материальная база, ведется целевая подготовка инженерно-педагогических кадров для профтехучилищ.

Ныне школы страны пополнились двумястами тысячами молодых специалистов, 90 тысяч из них – люди с высшим образованием. В канун учебного года по всей стране прошли

августовские учительские совещания, где шла речь об актуальных задачах школы, о роли учителя в осуществлении великого права советских граждан – права на образование.

Благородный труд учителя требует полной отдачи сил, высокой идейности, душевной широты и щедрости. Учителю доверяем мы наших детей, от него зависит, какими они вырастут. Он выводит юных на светлую дорогу знаний, зажигает их умы и сердца поэзией труда, помогает выбрать профессию, найти себя, найти свое призвание. «Вы, учителя, – говорил Л.И. Брежнев, – хорошо знаете, что нет и не может быть такого обучения, которое было бы оторвано от нравственного совершенствования учащихся. Когда вы преподаете детям математику или историю, физику или обществоведение, любую другую науку, вы не только сообщаете им необходимы в жизни знания, но вместе с тем учите их трудиться, преодолевать препятствия, критически относиться к себе, ставить перед собой большие цели. И главное, вы учите их самостоятельно думать. Так и только так получается сплав знаний и убеждений».

Да, высокие требования предъявляются к учителю. Но это значит, что необходимо повсеместно и постоянно заботиться о нем, поднимать и укреплять авторитет народного учителя, всемерно помогать ему, своевременно учитывать его нужды и запросы. Можно только приветствовать тех руководителей и специалистов хозяйств, которые в числе многих своих повседневных неотложных дел не забывают и о школе, видя в ней будущее села. И сегодня они пришли на школьные линейки, по-отцовски поговорили с ребятами о жизни, не боясь самых острых вопросов, поблагодарили за трудовое лето, а уходя, дали себе слово бывать здесь почаще, делать для школы как можно больше.

Разумеется, в каждой сельской школе с первого дня занятий должны быть созданы нормальные условия для ее работы: чтобы в ней было тепло, чтобы к ней можно было подойти в распутицу, а ребята могли получить горячий завтрак. Все это, в том числе и новая квартира учителю, и трактор, подаренный колхозом ученической производственной бригаде, и дорогое время наставника, – все непременно вернется и сторицей окупится молодыми руками, молодой энергией идущей смены.

Как и в прошлые годы, сегодня у школьного крыльца прошли волнующие встречи поколений, митинги, пионерские линейки. Первые занятия открылись ленинским уроком, посвященным Родине и партии. И очень важно, чтобы высокий подъем этого дня продолжался в будничных делах.

Начинается новый учебный год. Новых творческих успехов всем, кто учится, и всем, кто учит!

Единство действий

«Мы начали школьную реформу, значение которой для будущего страны трудно переоценить, – говорилось на апрельском (1983 года) Пленуме ЦК КПСС. – И сейчас требуется не формально, а содержательно подойти к поставленным задачам и кардинально улучшить качество обучения и воспитания подрастающих поколений, их подготовку к общественно полезному труду». Одним из важнейших положений реформы признано дальнейшее укрепление связей школы и производства. Предприятия, а на селе колхозы и совхозы – давние партнеры педагогических коллективов. Но реформа как бы заново помогла им открыть друг друга, высветить общее дело с новых сторон. Есть у партнеров и радостные открытия, есть и трудности, взаимные претензии. Какие-то рубежи уже взяты, что-то еще только просматривается. Обсудить характер сегодняшних взаимоотношений между базовым предприятием и школой, четче определить свои действия и собрались в редакции представители заинтересованных министерств и ведомств, руководители хозяйств и школ, специалисты.

За «круглым столом» Юрий Петрович Аверичев – начальник управления трудовой и профессиональной подготовки общеобразовательных школ Министерства просвещения СССР, Сергей Макарович Алешин – заместитель начальника управления финансирования культуры и здравоохранения Министерства финансов СССР, Анатолий Иванович Волгин – председатель Московского областного комитета народного контроля, Сергей Тимофеевич Гурьянов – профессор МГУ, Роберт Иосифович Дылба – председатель латвийского колхоза «Таурене», Борис Александрович Максимов – начальник управления подготовки кадров массовых профессий Министерства сельского хозяйства СССР, Иван Васильевич Салыгин – директор смоленского совхоза «Маньково», Виктор Васильевич Симонов – председатель совета Новгородского РАПО Кировоградской области, Николай Ефимович Стрелец – директор школы № 1 Воронежской области.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.